

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СОБСТВЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

Аннотация. Охрана собственности древнерусской православной церковью носит достаточно специфический характер. Ко времени формирования списков Синодальной редакции Устава князя Ярослава о церковных судах, оформляется и получает закрепление целая группа посягательств не только на православные обрядовые практики, но и на другие объекты. Русская православная церковь, полагая, что восточные славяне достаточно созрели в плане вероисповедания, начинает усиливать охрану других своих непосредственных дополнительных объектов. Помимо православной догмы, охране начинают подвергаться, в том числе, отношения собственности, получившие свое предметное выражение в церковном имуществе, символах, сооружениях. Именно эти составы различными исследователями очень часто объединялись одним родовым понятием – святотатством в широком смысле этого слова. А, кроме того, охране со стороны церкви начинают подвергаться собственность определенных лиц. Уголовно-правовая охрана собственности древнерусской православной церковью не относилась к числу приоритетных задач, если, конечно, не говорить о собственности церковных феодалов и святотатстве в широком смысле, как особого рода посягательстве на религию. Во всех подобных составах основным непосредственным объектом выступали интересы религии и церкви. В тех же случаях, когда церковь все-таки регулирует ответственность за собственно имущественные преступления, она четко фиксирует сферу своего воздействия, ограничиваемую либо пределами семьи, либо особенностями предмета посягательства, либо способами совершения таких преступлений.

Ключевые слова: церковная татьба, святотатство, церковные уставы, мертвецов сволочать, святотатьба, крест посекут, на стенах режут, граффити, эпиграфика, гробокопательство.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.1.9017

Охрана собственности древнерусской православной церковью носит достаточно специфический характер¹. Ко времени формирования списков Синодальной редакции Устава князя Ярослава о церковных судах, оформляется и получает закрепление целая группа посягательств не только на православные обрядовые практики, но и на другие объекты. Русская православная церковь, полагая, что восточные славяне достаточно созрели в плане вероисповедания, начинает усиливать охрану других своих непосредственных дополнительных объектов. Помимо православной догмы, охране начинают подвергаться, в том числе, отношения собственности, по-

лучившие свое предметное выражение в церковном имуществе, символах, сооружениях. Именно эти составы различными исследователями очень часто объединялись одним родовым понятием – святотатством в широком смысле этого слова. А, кроме того, охране со стороны церкви начинают подвергаться собственность определенных лиц.

Одним из основных видов преступлений, посягающих на церковную собственность, являлась церковная татьба. Церковная татьба представляла собой кражу, совершенную из церкви и являлась одним из первых уголовно-правовых запретов, охранявших церковную собственность². Во всяком случае, именно так

¹ Более подробно об охране собственности в Древней Руси светским уголовным законодательством см.: Георгиевский Э.В. Собственность как объект охраны в уголовном праве Древней Руси // Lex Russica. 2013. № 4 (Том LXXVII). С. 410 – 420.

² Впервые церковная татьба получает свое закрепление в статье девятой Устава князя Владимира о церковной десятине (См.: Российское законодательство X—XX веков: тексты и коммент. в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 149).

данный состав определяется большинством исследователей. Однако, например, В.В. Есипов, осуществивший специальное исследование в этой области, полагает, что церковная татьба, предусматриваемая церковными уставами, представляет собой кражу из церкви в самом широком объеме. «Поэтому, вероятно, церковною татьбою она (церковь – Э.Г.) считала кражу всякого, а не только священного, освященного или церковного имущества из церкви»³. Однако церковная татьба, будучи закрепленной в Уставе князя Владимира и уставах ряда других удельных князей, почему-то не нашла своего закрепления в Уставе князя Ярослава. По этому поводу В.В. Есипов высказывает мысль, в соответствии с которой законодательная деятельность Ярослава была направлена на подтверждение и развитие положений, установленных его отцом – князем Владимиром⁴.

Надо заметить, что охрана церковного имущества являлась одной из приоритетных задач многих ранних и средневековых законодательств. Так, например, шестая статья Законов Хаммурапи карает смертной казнью любого, дерзнувшего украсть что-нибудь из собственности храма⁵. А в соответствии с Законом Судным людем, если лицо трижды украдет в церкви, то ему отрезали нос и ослепляли⁶. Законодательство древних франков также достаточно четко высказывалось о хищениях, совершаемых в церкви. Так, в соответствии с третьим постановлением Саксонского капитулярия 775 г., если кто-либо ворвется в церковь силою и возьмет оттуда что-либо силою или тайком, или сожжет церковь, подлежал смертной казни⁷. К двенадцатикратному возмещению за кражу божьего и церковного имущества призывала Правда Этельберта⁸.

Очень близко по объекту посягательства (отношения церковной собственности) к указанному составу примыкали действия, выраженные фразами – «крест посекут или на

стенах режут»⁹. Совершенно очевидно, что противодействие православию со стороны непримиримых язычников могло выражаться, в том числе, и совершением различных действий, направленных на уничтожение или повреждение церковного имущества. Хотя подобное, в ряде случаев, могло совершаться в силу других причин – невоспитанность, невежество, проявление различных низменных мотивов на окружающих предметах, сооружениях и т.п.¹⁰ Я.Н. Щапов называет подобные «произведения искусства» русскими граффити¹¹. Современное уголовное право России в статье 214 УК содержит понятие вандализма, который определяется как осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества, в том числе в иных общественных местах. Очевидно, что состав, предусмотренный уставом князя Владимира, сочетал в себе вандализм, в современном его понимании, и еще один состав, направленный на отношения собственности конкретных лиц – уничтожение или повреждение чужого имущества.

Однако необходимо отметить, что надписи на стенах храмов в Древней Руси нельзя рассматривать исключительно как проявление неуважения к религии или ее служителей. Дело в том, что в большей своей части такие тексты на стенах носили вполне благопристойный характер, если бы не место их нанесения. Более того, в исторической науке такое написание на различных предметах получило название древнерусская эпитафия. В основном это были просьбы перед Господом о помиловании и прощении¹². Так, например, в Новгороде, в Георгиевском соборе Юрьева монастыря на одной из стен есть такая надпись: «Саватия грешен паче всех человеко», что означает своеобразное покаяние. К покаянию следует, очевидно, отнести и надпись, сделанную неким Фокой, который именует себя «татем погребным» и также просит прощения у Всевышнего¹³. Но встречаются также и упоминания имен

³ Есипов В.В. Грех и преступление, святотатство и кража. СПб., 1894. С. 104.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым. М., 2005. С. 277.

⁶ Закон судный людем Пространной и Сводной редакции: Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 37.

⁷ См.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. акад. В. М. Корецкого. М., 1961. С. 33.

⁸ Там же. С. 62.

⁹ В Крестининском изводе Синодальной редакции Устава князя Владимира фраза звучит следующим образом: «Крест посекут или на стенах трескы (щепки – Э.Г.) емлют и с креста» (См.: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 23).

¹⁰ Н.С. Суворов делает предположение, что вырезание частичек из стен церковных, в ряде случаев, могло осуществляться с суеверной целью, например, для изготовления предохранительного амулета (Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 2004. С. 254).

¹¹ Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси. М., 1989. С. 107 – 112.

¹² Об этом подробнее см.: Высоцкий С.А. Киевские граффити XI – XVII вв. Киев, 1985.

¹³ См.: Рождественская Т.В. Древнерусские надписи

умерших, даты их смерти. Есть упоминания и просто имен. Так, например, в Софийском соборе в г. Полоцк есть запись, состоящая всего из одного слова – «Воришько». Согласно точке зрения Т.В. Рождественской, имя Воришько является производным от терминов «вор» или «ворон» и пополняет фонд неканонических имен¹⁴.

Не исключено, что «посещение креста» могло в ряде случаев предполагать уничтожение или повреждение могильных крестов (сложно себе представить, что речь идет о крестах, находившихся на куполах церквей)¹⁵. И все-таки в ту далекую эпоху данный состав своим основным непосредственным объектом имел основы православной догмы.

Так же близко по криминологической характеристике к «древнерусскому церковному вандализму» примыкал еще один состав – «мертвецов сволочать»¹⁶. Традиционно данный состав большинством ученых рассматривается как «разграбление могил» или «ограбление мертвых тел»¹⁷. А.А. Зимин определяет данный состав через конкретизацию предметов посягательства, как разрытие могил с целью снятия одежд и драгоценностей¹⁸. В.И. Сергеевич полагает, что сложность юридической структуры состава вызвана двубъектностью посягательства – «нарушением покоя могилы через ограбление мертвых тел»¹⁹.

Основным непосредственным объектом данного состава преступления, на наш взгляд, продолжают оставаться православные обрядовые практики (священная процедура христианского погребения). Первым дополнительным непосредственным объектом будут являться основы нравственности, повреждаемые осквернением могил (факт разрытия могилы, повреждение гроба, а также, по замечанию В.В. Есипова, срубание и повреждение крестов на могилах²⁰). Вторым непосредствен-

ным дополнительным объектом будет являться частная собственность (факт разграбления могилы и мертвого тела). «Первый поступок, – пишет В.В. Есипов, – ближе всего стоит к святотатству. Похищение с мертвого тела, так же как и похищение из церкви, прежде всего, представлялось деянием вредоносным, деянием, наносящим ущерб (родственникам умершего), татьбою. С другой стороны, в силу особого почитания умерших, носившего у древних славян полурелигиозный характер, деяние это представлялось деянием греховным, как бы святотатьбою»²¹.

Достаточно интересным представляется этимологическое толкование термина «сволочать». В.И. Даль полагает, что термин «сволочь», как нарицательный и достаточно нелестный эпитет, более поздний по происхождению, чем термины «сволочить» или «сволочать». Сволочь – это все то, что сволоклось или сволочено в одно место – бурьян, сор, в том числе, дурные люди, шатуны, воришки, негодяи. А термин «сволочать» понимался и как украсть что-либо, утащить незаметно, воровски²². Глагол «сволочать» употреблялся для обозначения хищения в Древней Руси не только в отношении покойников. Так, в Изборнике князя Святослава 1076 г. встречается фраза: «Яко же дьва розбоя есть, един, иже съвлачить с убогого»²³.

Не лишним, по нашему мнению, будет сделать и замечание о том, что у древних славян процедура захоронения значительно отличалась от христианской процедуры погребения. «Аще кто умряше, – пишет Нестор, – творяху тризну над ним, и по семь творяху кладу велику, и возложашуть и на кладу мертвеца сожьжаху, и по сем собравше кости вложашу в судину малу, и поставляху на столпе на путехъ»²⁴.

Христианское захоронение мертвых, порой в богатых одеждах, с драгоценностями, с дорогим и редким оружием и предметами утвари, представляло собой огромный соблазн для воров, получивших наименование «гробограбителей» и «гробных татей»²⁵. Гробокопательство представляло собой одну из разновидностей любостыжательства, как одного из

на стенах храмов: Новые источники XI – XV вв. СПб., 1992. С. 48 – 51.

¹⁴ Там же. С. 122.

¹⁵ М.Ф. Владимирский-Буданов полагает, что посещение крестов могло осуществляться также на дорогах (Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д, 1995. С. 323).

¹⁶ А в изводе «Стоглава» термин «волочат» (См.: Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. С. 56).

¹⁷ См., например: Российское законодательство X – XX веков. Т.1. С. 160.

¹⁸ См.: Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. С. 250.

¹⁹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М., 2004. С. 323.

²⁰ Есипов В.В. Грех и преступление, святотатство и

кража. С. 104.

²¹ Там же. С. 104 – 105.

²² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: третье, исправленное и значительно дополненное издание. Т. 4. С – V. М., 1909. С. 77 – 78.

²³ Водовозов Н.В. История древней русской литературы. М., 1962. С. 39.

²⁴ Русские летописи. Т. 12. Лаврентьевская летопись. Рязань, 2001. С. 13.

²⁵ Есипов В.В. Грех и преступление, святотатство и кража. С. 105.

самых тяжких грехов, определяемых древними учителями церкви, и достаточно подробно регламентировалось. «Гробокопательство или раскапывание могил различается, смотря по тому, касается ли виновный, положенного в гробе трупа, или не дотрагивается до него: первое имеет место в том случае, когда на самом трупе надеются найти какие-либо ценные вещи, которыми желают воспользоваться, а последнее в том случае, когда раскапывающий имеет лишь в виду употребить камни, положенные на могиле, на какую-либо постройку»²⁶. В соответствии с Эклогой, обирающие трупы на могилах подлежали отсечению руки. Е.Э. Липшиц указывает, что строгость наказания за ограбление трупов в Эклоге все же меньше, чем в предшествующем праве, в котором подобное преступление каралось смертью или суровой формой изгнания²⁷. Предусматривал наказание для гробокопателей и Закон судный людем, который в двадцать девятой главе (в Софийской летописи старшего извода) предусматривал в качестве основного наказания продажу виновного с головой, а в качестве дополнительного наказания – триста ударов («и да тепуть его в 300 ранъ»)²⁸.

Культ особого трепетного отношения к мертвым существовал у древних германцев. Забота о достойном погребении и охране мест захоронения лежала на близких покойного. «В состав культа умерших, – пишет Л.С. Белогриц-Котляревский, – входило не только достойное их погребение, но и известное отношение к неохраняемым смертным останкам, лишенным заботы тех, на ком лежала эта священная обязанность. Обычай, санкционированный законом, предписывал всякому, не исключая даже убийцы умершего, для защиты от животных и птиц прикрыть труп последнего чем случится – камнями или землей, платьем или снегом, грозя неисполнителя этого предписания – даже в случае, если бы умерший принадлежал к числу лишенных мира, пеней или изгнанием (*Verbannung*). Очевидно, что в основании данного закона лежала идея глубокого уважения или благоговения к останкам умерших, обязательного для каждого во всяком их положении. Повелевая укрывать неохраняемый труп от зверей и птиц, закон заботился не о сохранении

следов преступления, а о том, чтобы обеспечить труп для достойного погребения»²⁹.

Достаточно большое количество статей в Уставе князя Ярослава посвящено непосредственно посягательствам на собственность. Я.Н. Щапов полагает, что подобные дела дублируются и соприкасаются в светских и церковных кодексах, «обнаруживая совпадение и большую близость в сферах интересов этих ведомств»³⁰. К таким составам относились: кража продуктов сельского хозяйства и домашнего промысла, одежды и полотен, свадебного и сгородного, а также кража из клетки, и жены у мужа.

«Кража конопля, льна, жита, полотен и одежды, – пишет Я.Н. Щапов, – это наименее опасные формы нарушения собственности. В число перечисленных объектов не входят ни орудия труда, ни скот, ни кони, эти нарушения не касаются границ земель, они не сопровождаются открытым насилием»³¹. Что касается последнего обстоятельства, то оно определяется, по мнению исследователя, наличием среди субъектов данных посягательств не только мужчин, но и женщин. Это, в свою очередь, говорило о претензии церкви на юрисдикцию по делам о кражах лишь в особых случаях – когда женщина выступала субъектом посягательства, или когда предметом преступления выступали лишь предметы потребления, находившиеся в доме, «причем нередко эти конфликты ограничивались кругом семьи в моменты ее кризисного состояния»³². Согласно точке зрения В.И. Кучерук, внутрисемейные кражи, кроме всего прочего, не вызывались классовыми конфликтами и не представляли угрозы межклассовым отношениям, так как происходили внутри «ограниченных социальных групп»³³.

Совершенно иная ситуация обстоит с уничтожением или повреждением чужого имущества, совершаемого путем поджога. По словам Я.Н. Щапова, статья о поджоге в Ярославовом уставе – «инородное тело в группе статей о браке и блуде», которая была включена в устав намного позже, когда основной состав памятника уже сложился³⁴. Церкви удалось добиться участия в

²⁶ Суворов Н. Объем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви в период вселенских соборов. Ярославль, 1884. С. 183.

²⁷ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. С. 178.

²⁸ Софийская первая летопись старшего извода. Полное собрание русских летописей. Том шестой. Вып. 1. М., 2000. С. 161.

²⁹ Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запаदा. Ярославль, 1886. С. 89.

³⁰ Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси. С. 116.

³¹ Там же. С. 117.

³² Там же. С. 117.

³³ Кучерук В.И. Кража и ее уголовно-правовая характеристика: дисс. канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 17.

³⁴ Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси. С. 118.

доходах от дел о поджогах, хотя не совсем ясна мотивация подобного участия. Н.А. Семидеркин полагает, что возможной причиной является совершение поджогов пироманами – т.е. лицами, страдающими определенной психологической и патологической зависимостью³⁵.

Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых (XIII – XIV вв.) в статье шестой предусматривает церковную татьбу и повреждение церковного имущества путем вандальных действий, при этом полностью повторяя по содержанию статью девятую Устава князя Владимира³⁶.

Устав Галицкого князя Льва Даниловича кафедральной церкви Успения 8 марта 1301 г. среди видов преступных деяний, объединенных фразой «беззаконные понятия», упоминает свадобчину, как хищение свадебного и сгородного³⁷.

Преимущественно охране церковной собственности были посвящены Ярлыки татарских ханов, выдаваемых русским митрополитам. Более того, ярлыки, без сомнения, были действующими источниками церковного права. Несмотря на то, что ярлыки выдавались золотоордынскими ханами, они, без сомнения, содержали и нормы русского права, в том числе и нормы права уголовного, обязательные, по словам Д.Я. Самоквасова, для всего русского народонаселения и всех людей татарского царства³⁸.

Одним из первых дошедших до нас, ярлыков был Ярлык Менгу-Темира от 1 августа 1267 г. В тексте ярлыка содержится уголовно-правовое установление о запрете насильственного завладения ханскими слугами (баскаками, данщиками) недвижимым имуществом представителей русских духовных властей. Так, запрещалось посягать на церковную землю, воду, огороды, виноградники, мельницы, зимовища, летовища («да не заимають их»). Свообразна и санкция, применяемая в данном случае – возвращение захваченной недвижимости. «И яже будут поимали, – и они да въздадут назад»³⁹. В тексте этого же ярлыка установлен запрет и на уничтожение, повреждение и похищение

церковных манускриптов («или что в законе их книги или ино что – да не заимають, ни емлют, ни издеруть, ни погубять их»).

Несколько в более жесткой форме установлен запрет на завладение недвижимостью в Ярлыке Тайдулы митрополиту Феогносту от 4 февраля 1351 г. Возможная смертная казнь грозила виновному в случае применения «силы и истомы» к владельцу недвижимости. «А кто пак беспутно силу учинить какову... умереть и поблюдеться»⁴⁰.

Ярлык Бердибека, выданный митрополиту Алексею в ноябре 1357 г. помимо уже традиционного запрета посягательства на чужое недвижимое имущество со стороны ханских слуг, содержал также установление, в соответствии с которым митрополит имел право сам принимать решение в отношении тех лиц, которые совершили разбой, татьбу, лжу или другое личное дело⁴¹.

В Ярлыке Тюляка, выданному митрополиту Михаилу в 1379 г. устанавливаются запреты и на завладение недвижимостью, и на разрушение церковных домов (монастырей), и на учинение в них насилия. В противном случае «те люди в гресех будут да умеруть смертию»⁴². Ярлык так же, как и предыдущий определял и сферу уголовно-правового воздействия митрополита. «Или учинить татьбу или ложь или иное злое дело, а не имешь того смотрити, – ино то сам ведаешь, каков ответ богу vzdаси».

О том, каков был масштаб церковной собственности, охраняемый татарскими ярлыками, свидетельствует ярлык хана Узбека митрополиту Петру: «...да не вступаются никтоже... ни в волости их, и в села их, ни во всякие ловли их, ни в борти их, ни в земли их, ни в улусы их, ни в леса их, ни в ограды, ни в волостные места их, ни в винограды их, ни в мельницы их, ни в зимовища их, ни в стада их конныя, ни во всякие скотские стада...»⁴³.

Регулирует ответственность за кражи Запись «О уставленьи татьбы» XIII – XIV вв. и Туровская уставная запись XIV в.

В пятой статье Правосудия митрополичьего (XIII – XIV вв.) устанавливались денежные штрафы за хищение различного домашнего скота и птицы (голубя, утки, гуся, лебедя, журавля, кошки, собаки, кобылы, вола, коровы, трехлетнего или двухлетнего животного, те-

³⁵ См.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 179.

³⁶ См.: Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. С. 168.

³⁷ См.: Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. С. 169 – 170.

³⁸ Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. Издание третье, исправленное и дополненное. М., 1908. С. 216 – 217.

³⁹ Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV – XV вв. С. 467.

⁴⁰ См.: Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. С. 468.

⁴¹ Там же. С. 470.

⁴² Там же. С. 466.

⁴³ См.: Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству: Историко-филологическое исследование. М., 1842. С. 114.

ленка, барана, поросенка, овцы, жеребца, жеребенка). Данная статья практически полностью повторяет статью восемьдесят первую Пространной редакции Русской Правды.

В статье пятнадцатой предусматривается ответственность за наезд – разбойное завладение чужим недвижимым имуществом или землей. Подобное посягательство в феодальной Древней Руси было одним из самых тягчайших преступлений. Об этом, в частности, свидетельствует размер штрафа – 100 гривен, что равнялось приблизительно сумме в тридцать рублей⁴⁴.

Двадцать первая статья регламентирует вопросы, связанные местом совершения преступления и местом задержания преступника. В отличие от положений, устанавливаемых Записью «О уставленьи татьбы», схваченный в другой земле бежавший холоп или вор с поличным, должны направляться для суда к своему судье.

Интересной представляется статья двадцать четвертая, в которой регулируется ответственность за уничтожение чужого имущества: «Аще кто собаку оубьет ли кошку, вины гривна, а собака в собаки место, а кошку в кошки место». По

мнению В.Н. Автократова, этот состав, скорее всего, является записью очередного судебного казуса, в пользу чего свидетельствует упоминание о кошке, столь несвойственного древнерусскому уголовному праву. Помимо штрафа в размере одной гривны виновному необходимо было возместить ущерб в натуральном виде. За истребленную собаку предоставить потерпевшему собаку, а за кошку – кошку⁴⁵.

Уголовно-правовая охрана собственности древнерусской православной церковью не относилась к числу приоритетных задач, если, конечно, не говорить о собственности церковных феодалов и святотатстве в широком смысле, как особого рода посягательстве на религию. Во всех подобных составах основным непосредственным объектом выступали интересы религии и церкви. В тех же случаях, когда церковь все-таки регулирует ответственность за собственно имущественные преступления, она четко фиксирует сферу своего воздействия, ограничиваемую либо пределами семьи, либо особенностями предмета посягательства, либо способами совершения таких преступлений.

Библиография

1. Белогриц-Котляревский Л. С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. – Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1886. – 354 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-н/Д: Изд-тво Феникс, 1995. – 640 с.
3. Водовозов Н.В. История древней русской литературы. – М.: Учпедгиз, 1962. – 372 с.
4. Высоцкий С.А. Киевские граффити XI – XVII вв. Киев: Изд-во «Наукова думка», 1985. – 206 с.
5. Георгиевский Э.В. Собственность как объект охраны в уголовном праве Древней Руси // *Lex Russica*. – 2013. – № 4. (Том LXXVII). – С. 410 – 420.
6. Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству: Историко-филологическое исследование. – М.: В универ. тип., 1842. – VIII с, 132 с.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: третье, исправленное и значительно дополненное издание / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 4. С – V. – М.: Издание т-ва М. О. Вольф, 1909. – 1619 с, XIV с., XII с.
8. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шапов. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
9. Есипов В.В. Грех и преступление, святотатство и кража. – СПб.: Тип. А.Ф. Маркса, 1894. – 200 с.
10. Закон судный людем Пространной и Сводной редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 288 с.
11. Кучерук В.И. Кража и ее уголовно-правовая характеристика: дисс. к-та юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – 183 с.
12. Лопухин А. П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым: Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2005. – 328 с.
13. Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. С. В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1952. – Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. – 287 с.
14. Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. С. В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1953. – Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. – 442 с.

⁴⁴ См.: Памятники русского права. Вып. 3. С. 448.

⁴⁵ Там же. С. 450.

15. Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. Л. В Черепнина. – М.: Госюриздат, 1955. – Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV – XV вв. – 527 с.
16. Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI – XV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1992. – 172 с.
17. Российское законодательство X—XX веков: тексты и коммент. в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – 430 с.
18. Русские летописи. Т. 12. Лаврентьевская летопись. – Рязань: Александрия, 2001. – 583 с.
19. Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Тип. Император. Моск. ун-та, 1908. – 616 с., 143 с., XXIX с.
20. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права: Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 488 с.
21. Софийская первая летопись старшего извода. Полное собрание русских летописей. Том шестой. Вып. 1. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 590 с.
22. Суворов Н. Объем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви в период вселенских соборов. – Ярославль: Типолитография Г. Фальк, 1884. – 393 с.
23. Суворов Н. С. Учебник церковного права: Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 504 с.
24. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. акад. В. М. Корецкого. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. – 950 с.
25. Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси. – М.: Наука, 1989. – 232 с.
26. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1965. – 226 с.

References

1. Belogritys-Kotlyarevskii L. S. Prestupleniya protiv religii v vazhneishikh gosudarstvakh Zapada. – Yaroslavl': Tip. G. Fal'k, 1886. – 354 s.
2. Vladimirkii-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. – Rostov-n/D: Izd-tvo Feniks, 1995. – 640 s.
3. Vodovozov N.V. Istoriya drevnei russkoi literatury. – М.: Uchpedgiz, 1962. – 372 s.
4. Vysotskii S.A. Kievskie graffiti XI – XVII vv. Kiev: Izd-vo «Naukova dumka», 1985. – 206 s.
5. Georgievskii E.V. Sobstvennost' kak ob'ekt okhrany v ugovnom prave Drevnei Rusi // Lex Russica. – 2013. – № 4. (Tom LXXVII). – S. 410 – 420.
6. Grigor'ev V. O dostovernosti yarlykov, dannykh khanami Zolotoi ordy russkomu dukhovenstvu: Istoriko-filologicheskoe issledovanie. – М.: V univer. tip., 1842. – VIII s, 132 s.
7. Dal' V. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: tret'e, ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe izdanie / Pod red. prof. I. A. Boduena-de-Kurtene. T. 4. C – V. – М.: Izdanie t-va M. O. Vol'f, 1909. – 1619 c, XIV s., XII s.
8. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI-XV vv. / Izd. podgot. Ya. N. Shchapov. – М.: Nauka, 1976. – 240 s.
9. Esipov V.V. Grekh i prestuplenie, svyatostatstvo i krazha. – SPb.: Tip. A.F. Marksa, 1894. – 200 s.
10. Zakon sudnyi lyudem Prostranno i Svodnoi redaktsii / Pod red. M. N. Tikhomirova. – М.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. – 288 s.
11. Kucheruk V.I. Krazha i ee ugovno-pravovaya kharakteristika: diss. k-ta yurid. nauk. – Stavropol', 2004. – 183 s.
12. Lopukhin A. P. Zakonodatel'stvo Moiseya. Issledovanie o semeinykh, sotsial'no-ekonomicheskikh i gosudarstvennykh zakonakh Moiseya. Sud nad Iisusom Khristom, rassmatrivaemy s yuridicheskoi tochki zreniya. Vavilonskii tsar' pravdy Ammurabi i ego novootkrytoe zakonodatel'stvo v sopostavlenii s zakonodatel'stvom Moiseevym: Pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. – М.: Zertsalo, 2005. – 328 s.
13. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / Pod red. S. V. Yushkova. – М.: Gosyurizdat, 1952. – Vyp. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva. X–XII vv. – 287 s.
14. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / Pod red. S. V. Yushkova. – М.: Gosyurizdat, 1953. – Vyp. 2: Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoi Rusi XII–XV vv. – 442 s.
15. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / Pod red. L. V. Cherepnina. – М.: Gosyurizdat, 1955. – Vyp. 3: Pamyatniki prava perioda obrazovaniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV – XV vv. – 527 s.
16. Rozhdestvenskaya T.V. Drevnerusskie nadpisi na stenakh khamov: Novye istochniki XI – XV vv. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-та, 1992. – 172 s.
17. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X—XX vekov: teksty i komment. v 9 t. / Pod obshch. red. O. I. Chistyakova. – М.: Yurid. lit., 1984. – Т. 1. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi. – 430 s.

18. Russkie letopisi. T. 12. Lavrent'evskaya letopis'. – Ryazan': Aleksandriya, 2001. – 583 s.
19. Samokvasov D. Ya. Kurs istorii russkogo prava. – Izd. 3-e, ispr. i dop. – M.: Tip. Imperator. Mosk. un-ta, 1908. – 616 s., 143 s., XXIX s.
20. Sergeevich V. I. Lektsii i issledovaniya po drevnei istorii russkogo prava: Pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. – M.: Zertsalo, 2004. – 488 s.
21. Sofiiskaya pervaya letopis' starshego izvoda. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom shestoi. Vyp. 1. – M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. – 590 s.
22. Suvorov N. Ob''em distsiplinarnogo suda i yurisdiktsii tserkvi v period vselenskikh soborov. – Yaroslavl': Tipolitografiya G. Fal'k, 1884. – 393 s.
23. Suvorov N. S. Uchebnik tserkovnogo prava: Pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. – M.: Zertsalo, 2004. – 504 s.
24. Khrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / Pod red. akad. V. M. Koretskogo. – M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1961. – 950 s.
25. Shchapov Ya. N. Gosudarstvo i tserkov' Drevnei Rusi. – M.: Nauka, 1989. – 232 s.
26. Ekloga. Vizantiiskii zakonodatel'nyi svod VIII veka. – M.: Nauka, Gl. red. vost. lit., 1965. – 226 s.

Материал получен редакцией 3 июля 2013 г.